

Миновали казармы, огороды около неё. Местность казалась вымершей. Дорога впереди оказалась перерезанной двумя противотанковыми рвами. Головной танк стал сбавлять ход, его башня стала разворачиваться влево, раздался выстрел и из-под танка взметнулось облако пыли. После второго выстрела десант соскочил с брони и укрылся за танком в кювете. В это же время на склонах застрочили пулемёты. Второй танк, на котором расположился Александр со своими солдатами медленно приближался к первому. Перископ командира торопливо вращался во все стороны выискивая огневые точки. Разведка оказалась в огненном мешке: выстрелы раздавались со всех сторон. Позади танков развернулись приданные орудия, которые начали вести прицельный огонь по траншеям.

Не зная, какое решение примет командир танка, Александр не решался дать команду десанту прыгнуть и укрыться в кювете: гонимые безумной храбростью танк мог рвануть вперед на рвы или траншеи, и оставшись без прикрытия, мог стать легкой добычей врага. Александр решил оставаться на броне до критического момента.

Несмотря на близкое расположение врагов прицельного огня добиться не удалось: в сумерках танки и десант не могли установить огневые точки в линии обороны японцев вследствие дыма и пыли, поднявшейся от артиллерийской стрельбы.

Наконец, снаряды стали ложиться ближе к танкам, и пулеметные очереди всё ближе вспарывать землю. Тогда Александр скомандовал: «В кювет!», а сам остался на броне для связи с Шивинским.

Когда стрельба несколько затихла, Александр постучал по броне танка. Показался

Шивинский: «Не стучи во время боя! Сам пропадешь и нас погубишь!». «Надо пойти вперед и ворваться в траншею. Поддерживай нас», сказал Александр. «Подожди, получше развед�ем!». «Только вперед не гони: десанта на броне нет!». «Ладно. Сейчас обстреляю траншею и иди её штурмовать!» - сказал

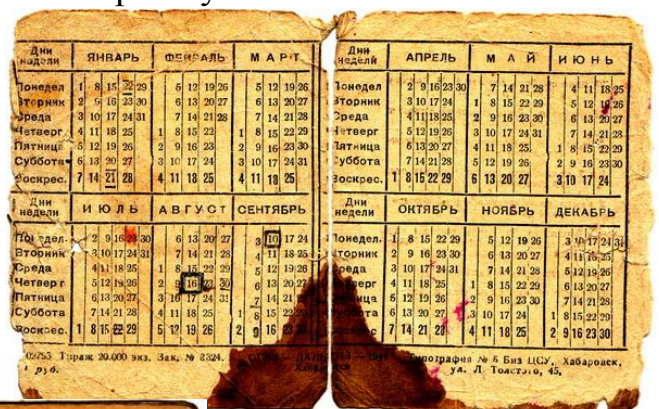
Шивинский и люк захлопнулся. Александр по-прежнему сидел на броне и ждал момента для атаки.

Вдруг что-то сильно ударило, но боли не было, только запомнился автомат, летящий над вершинами деревьев и слетевшая с головы каска. Всё сразу забылось. Голова и тело погрузились в сон. Потом вдруг стало приятно и тепло в левой стороне тела. Глаза открылись, сознание вернулось. Александр осознал, что он жив, не убит, а только ранен. Александр приподнялся на обе руки и глядел на солдат, укрывшихся в кювете, они на него. Из щеки вырывалась тоненькая струйка крови, исчезающая в песке.

С трудом найдя индивидуальный пакет (у всех он остался в вещмешках, которые оставили в обозах перед отправкой в разведку) в нагрудном кармане гимнастерки, солдат Яшкин как мог перевязал лицо Александра.

Комсомольский билет, календарь за 1945 год и удостоверение, которые также были в нагрудном кармане, были прошиты осколками, а некоторые из них застряли в коленкоровой корочке. Силы оставили Александра, он не мог стоять на ногах. Яшкин помог спрятаться в кювете. Александр положил под голову сумку, рядом положил гранату и наган.

Комсомольский билет, календарь на 1945 год и Удостоверение личности Павла Александра Андреевича со следами осколков и крови

Передав командование группой Яшкину, Александр отдал ему свой автомат, принесенный кем-то из солдат, и отправил на танк, договориться с Шивинским о начале атаки. Через некоторое время солдаты мимо Александра бросились в атаку. В кювете остались только раненные Александр и солдат Кадор. Потом слышалось отдаленное «Ура!», но быстро стихло. Атака захлебнулась: слишком малые силы были у разведгруппы.

В это время солдат Кадор увидел трех японцев-смертников, обвешанных взрывчаткой, которые подкрадывались к танкам. Как только их силуэты обрисовались на фоне неба, он очередью из автомата уложил всех троих.

Несмотря на наступление темноты к разведчикам на помощь подошло подразделение противотанковых ружей. Откуда-то появился и санитар. Не имея практических навыков, он кое-как снял гимнастерку, тело с левой стороны опухло, перевязал Александра остатками бинта и изорвав для этого на лоскуты нижнюю рубашку, и отправился к следующим раненым.

Уже совсем стемнело. Появились бойцы, Майков и Яценко, ушедшие в атаку. Александр спросил, почему захлебнулась атака. Они отвечали: «Мало народа, командира нет, ручной пулеметчик Гончаров убит... Когда его попросили обстрелять куст возле бруствера, где замаскировался японский солдат, он ответил: «Мне что, жить надоело?». А во время атаки из этого куста вылетела ручная граната, да прямо под ноги Гончарову». Узнав, что в ногу ранен Яшкин, Александр велел вернуться и вытащить его с поля боя. Через некоторое время на дороге слышались стоны - двое солдат помогали передвигаться Яшкину, у которого одна нога была ранена и при каждом шаге он стонал. Александр приказал положить его рядом с собой.

Танки отошли назад что бы не быть уничтоженными ночью. Ситуация была сложная. Силы десантников малы, каждую минуту можно было ждать вылазки японцев и нужно было быть готовым к бою. «Лежать тихо! Быть готовым к бою! Драться до конца! Передайте дальше!» - тихо скомандовал Александр.

Ночь была тихая и звездная. Полчища комаров облепили голое тело Александра и больно кусали, била дрожь. Усталость (прошли в разведке более ста километров), голод, ранение, нервное напряжение давали о себе знать.

К утру со стороны наших войск на дороге слышался гул мотора. По дороге, не включая фар двигалась машина. «Где тут лейтенант?» - раздался голос санитара. «Здесь он» - ответили солдаты. Александр сложил разорванную гимнастерку, гранату и наган и ему помогли сесть в машину. Тяжело раненных на

носилках уложили в кузов машины. Здоровым солдатам Александр приказал отправляться пешком к своим.

Раненных доставили в медсанбат танковой бригады. Уложили в спальный мешок, запеленали, одна голова виднеется. Принесли поесть, а макаронины Александр перекусить не смог — щёку ломило до боли. Выпил лишь бульон и отказался от еды, несмотря на голод.

На следующий день, 18 августа, раненных переправили в тыл по той же дороге, по которой накануне они продвигались вперед. Довезли до станции Айгунь, где в покинутом японцами

госпитале был развернут дивизионный госпиталь. Здесь обработали раны, перевязали их. Александр попросил принести зеркало и сам себя не узнал: вся левая половина лица опухла, рот перекосило. Попытался улыбнуться этому зрелищу, но получилась какая-то карикатура.

К вечеру раненных переправили в полевой хирургический госпиталь, располагавшийся в ближайшей деревне. Весь обслуживающий персонал состоял из местных жителей, китайцев. Утром китайцы перенесли Александра в операционную, большую брезентовую палатку размером с цирк Шапито. Там уже было трое раненных, и Александр был четвертым. Появилась группа врачей, возглавляемая солидной женщиной, на груди которой красовалось множество правительственных наград. Окружили первого раненного, осмотрели, женщина дала какие-то указания, и толпа перешла к следующему раненному, а за первого взялись медицинские сестры.

Александр лежал с неприятными предчувствиями: хирургические темы всегда наводили на него тоску, хотелось, чтобы это побыстрее закончилось. Врачи подошли к соседнему раненному, у которого была раздроблена кисть руки и женщина-хирург сразу постановила ампутировать её. На лицо бедняги положили кусок марли, капнули эфира и попросили считать до двадцати. После счета «десять» раненный забылся. Хирург подняла его руку, и ловким движением отсекла кисть, которую бросила в таз под столом. На показавшуюся кость быстро натянули кожу, сшили её и забинтовали. Руки как не бывало.

Дошла очередь до Александра. Женщина повернула голову за подбородок, стала прощупывать грудь и голову, всё спрашивая: «Больно?». «Нет!» - отвечал Александр. «У этого массовое слепое осколочное ранение. В тыл его!» - распорядилась она и вышла из палатки. Александр был очень доволен оборотом событий: его не резали! Около полудня раненных,

предназначенных для эвакуации погрузили в машину. К вечеру они были в Сахалине и их тут же переправили через Амур на Родину, в Благовещенск.

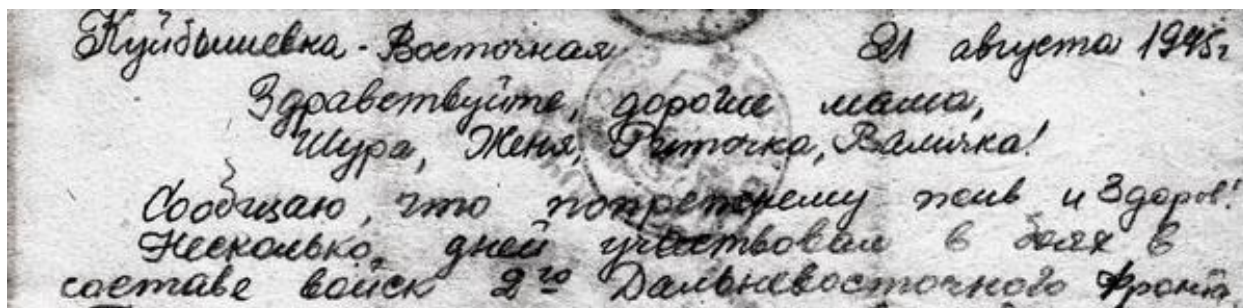

и они с песнями поехали в госпиталь.

Госпиталь располагался в одной из школ. Раненных было пока немного и прибывшим уделяли много внимания, как персонал, так и жители: без конца приходили делегации студентов, пионеров, пенсионеров, приносили цветы, подарки, устраивали концерты, расспрашивали о боях.

Через два дня раненных эвакуировали по железной дороге в другой военный госпиталь № 306 в Куйбышевку-Восточную. Этот городок был хорошо знаком Александру, так как здесь он прослужил полтора месяца после окончания курсов младших лейтенантов. В госпитале всех рассортировали по характеру ранений и Александр с разрывом жевательной мышцы левой щеки оказался в одной палате с однополчанином Кошкидько, у которого было аналогичное ранение. Ранение он получил в бою, при наступлении на вражеские окопы. У него закончились патроны, и он привстал на одно колено, что бы удобнее было перезарядить автомат. В это время японский солдат прострелил ему щеку, пуля прошла под кожей на шее и застряла под лопаткой.

Из госпиталя Александр сразу написал письма домой.

«Здравствуйте дорогие мама, Шура, Женя, Риточка и Валичка!

Сообщаю, что попрежнему жив и здоров!

Несколько дней участвовал в боях в составе войск 2-го Дальневосточного Фронта. Получил лёгкое ранение в левую щеку и руку. Сейчас лежу в госпитале в Куйбышевке. О состоянии моего здоровья можете судить по этому

письму. Опасаться худшего не приходится. В ближайшее время думаю выйти из госпиталя и вернуться в свою часть. Теперь войны нет. Будем выполнять другие задачи.

За время боёв японцам всыпали крепко.

Хотя они и сидели за крепкими укреплениями, которые они строили 14 лет, их ничто не спасло. Наши передовые части далеко продвинулись вперёд, а тыловые доколачивали их укрепления...» (21.08.1945).

Вскоре раненных, находящихся в госпитале пригласили для инструктажа по лечению. Медсестра разъясняла: «У вас порваны жевательные мышцы. И если их не разрабатывать, они неправильно срастутся, и может не открываться рот. Что бы их разрабатывать нужно между верхними и нижними зубами забивать клинышки. Когда клинышки будут пролезать в щель, приходите, я вам дам потолще».

Легкораненные много гуляли по парку, разговаривали, и даже сфотографировались с сестрами. Однажды раненным пришла в голову лукавая мысль: «Почему им не дают водки?». Выбрали делегацию к главному врачу. Он ответил: «Водки нет!». «Как так нет? В Гаоляне взяты огромные продовольственные склады. Там много ханжи. Пошлите туда самолет!» Со следующего дня в обед стали давать по 100 грамм ханжи. После обеда и принятой водки все сразу забывали свои раны, и по госпиталю прокатывается весёлый, шумливый говор, который, из-за малой дозы водки быстро прекращается.

Почти ежедневно приходили делегации от предприятий и школ и приносили всевозможные подарки. В конце августа в палате даже поставили концерт художественной самодеятельности, а также прочитали две лекции: об Островском и на международные темы. Девушки-старшеклассницы помогали работникам госпиталя, работая в качестве сиделок в палатах.

В палате с Александром было семь офицеров, и она считалась самой авторитетной. Все они были легкораненные, почти все ходили на ногах за исключением одного раненного в ногу, но и тот уже ковылял на костылях.

В этом же госпитале в отдельной палате лежали раненные японцы и один

Верхний ряд: л-т Карапетян Павел Аганесович, ст. сестра Надя, мл. л-т Громов Василий Иванович, мл. л-т Горков Михаил, серж. Блохин Александр Наумович, сестра Катя. Сидят: ст. л-т Крюков Леонид Васильевич, л-т Павлов Александр Андреевич, л-т Меленцов Алексей Петрович. Военный госпиталь № 306, г. Куйбышев-Восточная (ныне – г. Белогорск), палата № 3. 28.08.1945.

китаец. «Японцы до того смелы, что когда проходят девушки – показывают им язык. А когда проходят ребята – смиренно поглядывают через окно, укрепленное решёткой. Это какие-то крупные чины».

В госпитале Александр просмотрел подшивку японских журналов и удивился их культуре, которой от них не ожидал. Из одного журнала он вырезал портрет японки и отправил его брату Жене. Дома с любопытством разглядывали этот портрет, считая, что это невеста Александра.

Как ни хорошо в госпитале, но за первую неделю раненные отлежали все бока, так как отвыкли от мягких постелей, поэтому днём старались больше гулять по саду. Хотелось пройти в город, но из одежды – только полосатые пижамы. Дождливая погода приковывала всех к своим постелям, оставалось играть в домино и разбирать минувшие бои.

Раненные прибывали каждый день. Среди них попадались знакомые. У вновь прибывших Александр узнал судьбу укрепрайона, где он был ранен. Оказалось, что для блокировки Айгуньского укрепленного района, занимающего 10 километров по фронту и 4 километра в глубину, оставили 900 солдат и два самоходных орудия. Само укрепление обороняли 3000 японских солдат, которые из укрытий не вылезали и никаких активных действий не предпринимали. Через несколько дней блокады японскому командованию районом был направлен ультиматум. Группу парламентариев возглавлял комсорг Анатолий Гальцев. Ему вручили белый флаг и поставили задачу. Анатолий был так обескуражен, что лицо его стало белее флага, но с задачей он справился с честью. Когда японскому генералу, командующему укрепленным районом, был вручен ультиматум, тот заявил, что сдастся только тогда, когда получит приказ императора Хирохито. Через несколько дней такой приказ поступил, и весь гарнизон района сдался в плен. Когда при пленении генерал узнал, сколько солдат блокировало район, он не поверил своим ушам.

Бои на втором укрепленном районе, где Александр получил ранение, продолжались пять дней, и лишь после этого удалось прорваться к Мергеню, до которого командир танкового дивизиона хотел добраться в ходе разведки.

23 августа вышел приказ Верховного главнокомандующего И.В.Сталина №372, в котором он отметил дивизию полковника Фочкина, в которой служил Александр, и танкистов полковника Винокурова, с которыми Александр был в разведке. По случаю выхода данного Приказа раненные офицеры написали поздравительное письмо командиру их полка с пожеланием ему и всем командирам его полка новых боевых успехов.

В госпитале узнали, что всех выписываемых после излечения офицеров отсылают в штаб 2-й Краснознаменной армии, дислоцированный здесь же, в Куйбышевке, а оттуда направляют на службу в МВД на различные должности в лагеря и колонии. Это действовало удручающе: армейские офицеры хотели служить в Красной Армии. Никого не прельщала служба в МВД. Никто не хотел выполнять службу насилия над людьми, мрачную и неблагодарную. Александр решил любой ценой остаться в армии.

2 сентября пришло известие о капитуляции Японии, а 3 сентября радостно отметили первый День Победы над Японией. Александр поздравил с

этим событием своего брата Женю, а через него всех родных: «Поздравляю Вас с праздником Победы! Теперь уже окончательная полная победа, и у наших границ на западе и на востоке нет больше злобных и вероломных врагов. Не будут больше литься потоки крови в борьбе с агрессорами, их теперь нет. Мы с тобой поучаствовали в этой жестокой борьбе. Ты – с немцами, я – с японцами, пролили во имя победы свою кровь. Но мы с тобой имеем счастье видеть радостные победные праздники и с большим уважением мы должны вспоминать наших боевых товарищей, которые отдали свои молодые жизни во имя этой победы».